

Роберт Стивенсон

Путешествие внутрь страны

Роберт Льюис Стивенсон
Путешествие внутрь страны

«Public Domain»

1878

Стивенсон Р.

Путешествие внутрь страны / Р. Стивенсон — «Public Domain»,
1878

«Я боюсь, что, снабжая такое маленькое сочинение предисловием, грешу против закона соразмерности. Но автор не в силах воспротивиться желанию написать предисловие, которое составляет награду за его труды. Когда кладется первый камень фундамента, архитектор является с планом в руке и несколько времени красуется перед публикой. То же делает и писатель в своем предисловии: может быть, ему ровно нечего сказать читателям, но он показывается им на минуту во входной арке со шляпой в руке и с самым приветливым видом...»

© Стивенсон Р., 1878

© Public Domain, 1878

Содержание

Предисловие	6
Глава I	8
Глава II	10
Глава III	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Роберт Стивенсон

Путешествие внутрь страны

* * *

Предисловие

Я боюсь, что, снабжая такое маленькое сочинение предисловием, грешу против закона соразмерности. Но автор не в силах воспротивиться желанию написать предисловие, которое составляет награду за его труды. Когда кладется первый камень фундамента, архитектор является с планом в руке и несколько времени красуется перед публикой. То же делает и писатель в своем предисловии: может быть, ему ровно нечего сказать читателям, но он показывается им на минуту во входной арке со шляпой в руке и с самым приветливым видом.

Автору лучше всего держаться середины; выказывать скромность и вместе с тем сознание собственного превосходства, а также делать вид, будто книга написана кем-то другим, а он вставил в нее только то, что в ней есть хорошего. К сожалению, я не обладаю такой высотой искусства. Я еще не способен скрывать горячих чувств к читателю, и если встречаю его на пороге, то приглашаю войти с сельским радушием.

По правде говоря, едва я прочел корректуру моего сочинения, меня охватили страшные опасения. Мне представилось, что я не только буду первым, кто прочитает эти страницы, но также и последним; что, быть может, я напрасно осматривал веселые селения, и ни одна душа не последует за мной. Чем больше я думал, тем больше пугала меня эта мысль; наконец, она превратилась в панический ужас, и я взялся за предисловие, чтобы предупредить читателей.

Что скажу я в пользу моей книги? Халев и Иисус Навин принесли из Палестины значительный груз винограда; увы, моя книга не даст ничего столь питательного, да и мы живем в ту эпоху, когда люди предпочитают точное определение любому запасу плодов.

Не знаю, можно ли найти привлекательность в отрицательности? Спрашиваю это, так как, если взглянуть на мою книгу со стороны отрицательной, мне кажется, она типична. Хотя в моем сочинении заключается около ста шестидесяти страниц, в нем нет нападок на нелепость Божьего мира, нет и намека, что я мог бысоздать лучшую вселенную... Право, уж не знаю, о чем я думал! Я точно забыл, что именно составляет славу человека. Это упущение делает мое сочинение вполне ничтожным в философском смысле, но я надеюсь, что в легкомысленных кружках такая эксцентричность понравится.

Друга, сопровождавшего меня, я должен очень благодарить, и был бы рад, если бы не задолжал ему ни в каком другом отношении. В эту минуту я чувствую к нему преувеличенную нежность. Он-то, конечно, сделается моим читателем, хотя бы ради того, чтобы проследить за своими собственными скитаниями.

Вальтеру Гриндлею Симпсону, баронету.

– Мой дорогой Сигаретка!

Достаточно уже и того, что ты вместе со мной мок под дождем и перетаскивал свою байдарку во время наших скитаний, что ты усиленно греб, чтобы спасти брошенную «Аретузу» среди разлива Уазы, что ты доставил жалкий обломок человеческого рода в Орильи Сент-Бенуат, где мы нашли уэжин, о котором так мечтали. Быть может, было более чем достаточно, как ты и сказал, что я предоставлял тебе все решительные объяснения, а сам довольствовался размышлениями. Я по совести не мог заставить тебя делить со мной несчастья другого, более публичного крушения. Но теперь, когда наше путешествие выходит в свет дешевым изданием, эта опасность минует, и я могу упомянуть твое имя.

Но я не могу замолчать, пока не выражу сожалений о судьбе наших двух кораблей. В несчастный день, сэр, задумали мы приобрести баржу, в несчастный день сказали мы о нашей грезе самым горячим мечтателям.

Правда, некоторое время мир нам улыбался. Мы купили баржу и окрестили ее; в качестве «Одиннадцати тысяч кельнских дев» она несколько месяцев стояла в спокойной реке, под стенами старого города, и ею восхищались ее поклонники. Господин Матра, превосходнейший судостроитель из Море, превратил ее в центр своих забот, и ты не забыл количества сладкого шампанского, выпитого в гостинице для придания жара работникам и быстроты работе. Я не хочу долго останавливаться на финансовой стороне вопроса. Баржа «Одиннадцать тысяч кельнских дев» сгнила в реке, на которой ею восхищались. Она не испытала силы ветра, ее не тащила терпеливая бичевая лошадь. Когда же, наконец, возмущенный кораблестроитель продал ее, с нею продали также «Аретузу» и «Сигаретку», причем было сказано, что он из кедра, когда мы на собственных плечах во время волоков убедились, что материалом для них служил крепкий английский дуб! Теперь эти исторические суда плавают под трехцветными флагами и носят новые чужеземные имена.

Глава I

Из Антверпена в Боом

Мы произвели сильное волнение в антверпенских доках. Смотритель и несколько носильщиков подняли наши байдарки и побежали с ними к спуску. Толпа детей с громкими криками следовала за ними. Послышался всплеск, «Сигаретка» опустилась на воду, слегка взволнованно кружась. Через минуту за ней последовала «Аретуза». Показался пароход, шедший вниз; люди, стоявшие на его кожухе, предостерегали нас сиплыми голосами; смотритель и его носильщики кричали нам с набережной. Но через несколько мгновений байдарки были уже на середине Шельды, и все пароходчики, смотрители доков и другие прибрежные тщеславные властители остались позади нас.

Солнце светило ярко, прибор пробежал четыре мили в час, ветер дул ровно, налетали случайные шквалы. Я никогда еще не плавал на байдарке под парусами, и мой первый опыт на этой большой реке прошел не без некоторого трепета для меня. Что случится, когда ветер впервые наполнит мой маленький парус? Мне кажется, это была такая же страшная экскурсия в область неведомого, как печатание первой книги или женитьба. Номои сомнения скоро окончились, и вы не удивитесь, что через пять минут я привязал мой шкот.

Сознаюсь, это обстоятельство сильно поразило меня самого, конечно, в компании с моими другими товарищами я всегда привязывал шкот в большом парусном боте, но я никак не ожидал, что сделаю это в маленькой и хрупкой лодочке при опасных шквалах. Мой поступок показал мне, насколько мы мало ценим жизнь. Конечно, гораздо удобнее курить, привязав шкот, но до тех пор я никогда еще не противопоставлял удобство курения очевидной опасности и не избирал удобства курения. Давно известно, что, не испытав себя, мы ничего не можем о себе сказать. Но не так обыкновенна и, конечно, более утешительна мысль, что мы почти всегда оказываемся мужественнее и лучше, нежели думали о себе. Полагаю, каждый испытал это, но опасение разочарования в будущем мешает ему громко говорить о его сладком сознании. Я искренно сожалею (это избавило бы меня от многих неприятностей), что когда я был моложе, мне никто не внушил смелого взгляда на жизнь и не сказал, что издали опасности кажутся нам гораздо страшнее, чем вблизи, и что хорошие стороны человеческого духа никогда не оставляют нас в минуты нужды. К сожалению, все мы играем на сентиментальной флейте в литературе, и никто из нас не хочет забить в мужественный барабан.

На реке было очень хорошо; мы встретили несколько лодок с душистым сеном.

По берегам тянулись стены тростника и ив, коровы и старые почтенные лошади перевешивали свои кроткие головы через ограды. Кое-где среди зелени виднелись привлекательные деревни с шумными верфями. Там и сям на поляне стояли виллы. Ветер быстро нес нас по Шельде, а потом по Рунелю. Мы шли очень хорошо, когда увидели кирпичные заводы Боома, лежавшие по правой стороне реки. Левый берег был по-прежнему зелен и дышал сельской тишиной, аллеи деревьев украшали насыпи. Кое-где к воде сбегали лесенки, они вели к пармам, на которых то сидела женщина, облокотившаяся локтями на колени, то виднелся старик с палкой в руке и с серебряными очками на носу.

Боом и его кирпичные заводы становились все безобразнее, дымились все больше и больше. Наконец, церковь с колокольней и деревянный мост через реку указали нам, что мы в центральных кварталах города.

Боом некрасив и примечателен только тем, что его жители думают, будто они могут говорить по-английски, но это не оправдывается на деле. Упомянутое обстоятельство придало нашим разговорам с горожанами Боома некоторую туманность. Что же касается гостиницы «Навигация», я считаю ее худшим зданием в городе. Она хвалится темной гостиной с прилав-

ком для продажи напитков. Другая гостиная, еще более холодная и темная, украшена пустой птичьей клеткой. Там мы пообедали в обществе трех необщительных учеников инженерного училища и молчаливого купца. Все кушанья, как всегда в Бельгии, отличались неопределенным и неописуемым вкусом, я никогда не мог разобрать, что я ем, бельгийцы целый день возятся с мясом, стараясь сделать из него истинно французское кушанье или истинно германское и приготавливая нечто не похожее ни на то ни на другое.

Пустая клетка в полном порядке, но без малейшего следа прежнего пернатого обитателя напоминала кладбище. Инженеры, по-видимому, не находили, что сказать нам или купцу, они тихо разговаривали между собой или молча смотрели на нас через блестящие очки, так как хотя эти молодые люди и были красивы, но все носили очки.

В отеле служила англичанка-горничная, которая так долго прожила вне Англии, что усвоила всевозможные веселые чужестранные словечки и всевозможные удивительные чужестранные манеры, которых не стоит перечислять. Она многоречиво говорила с нами на своем жаргоне, расспрашивала нас о теперешних обычаях Англии и предупредительно поправляла, когда мы пытались отвечать ей. Однако мы имели дело с женщиной, а потому, вероятно, наши рассказы произвели больше впечатления, нежели это нам казалось. Женщины любят собирать сведения, в то же время сохраняя свое превосходство. Это отличная политика, порой прямо необходимая. Когда мужчина замечает, что женщина восхищается им, хотя бы из-за его знакомства с географией, он сейчас же злоупотребляет этим восхищением. Только путем постоянных насмешек красавицы могут удерживать нас на надлежащем месте. Мужчины, как сказала бы мисс Хоу или Харлоу, «такие похитители». Что касается меня, я всей душой и телом стою на стороне женщин, и после счастливых супругов, по моему мнению, на свете нет ничего прекраснее мифа о божественной охотнице. Мужчине, как известно, не стоит удаляться в лес. Святой Антоний попробовал сделать это и был, по всем сведениям, далеко несчастлив. Некоторые женщины превосходят лучших гимнософистов мужчин, так как они довольствуются собой и могут находиться в холодном или жарком поясе безо всякого существа в мужском одеянии. Я совсем не аскет, однако более благодарю женщин за этот идеал, чем благодарил бы их большинство или, лучше сказать, любую из них, кроме одной, за внезапный поцелуй. Нет ничего более бодрящего, нежели взгляд на существо, которое умеет довольствоваться собой. Стройные, красивые девушки всю ночь носятся в лесу под звуки рога Дианы, мелькают между вековыми дубами, такие же спокойные как старые деревья, и при мысли о них, об этих порождениях леса и света звезд, не затронутых волнениями горячей и бурной человеческой жизни, мое сердце (хотя я и предпочитаю многие другие идеалы) сильно бьется и трепещет. Правда, они удаляются от жизни, но как грациозно! Кроме того, о чем не жалеешь, то не потеря. А разве (здесь уже проявляется мужчина) было бы приятно внушать любовь, если бы не приходилось побеждать презрения?

Глава II

На Виллебрукском канале

На следующее утро, когда мы двинулись по Виллебрукскому каналу, пошел сильный холодный дождь. Вода канала имела температуру тепловатого чая, и под холодными струями дождя ее поверхность покрылась паром. Мы отчалили с таким удовольствием, и байдарки так легко и быстро продвигались вперед при каждом ударе весел, что эта неприятность не смутила нашего хорошего настроения. Когда же облако прошло, и солнце снова выглянуло, нас охватило такое веселое чувство, какого мы никогда не испытывали дома. Ветер шелестел и дрожал в сучьях деревьев, окаймлявших берега канала. Купы листьев блистали на свету. На взгляд и слух казалось, будто можно было распустить паруса, но между берегами ветер долетал к нам только слабыми и непостоянными порывами. Мы шли с перерывами и не быстро. Какой-то человек, напоминавший моряка, закричал нам с бечевого дорожки: «C'est vite, mais c'est long».

На канале было довольно большое движение. Мы то и дело встречали или догоняли длинные вереницы барок с большими зелеными рулями, высокими кормами и окошечком по обе стороны руля. Часто в одном из этих окошечков виднелся букет в кружке или цветочный горшок. На палубе женщины хлопотали об обеде или смотрели за толпой детей. Эти барки привязывались одна к другой канатами, их бывало по двадцати пяти или тридцати штук. Вереницу обыкновенно вел пароход странной конструкции. В нем не замечалось ни колеса, ни винта, и он приводился в движение каким-то аппаратом, непонятным для немехаников. Этот прибор вытягивал через нос парохода блестящую цепь, которая лежала вдоль дна канала, и спускал ее опять через корму, таким образом пароход продвигался вперед шаг за шагом вместе со всей вереницей нагруженных барж. Для человека, не имевшего ключа к этой загадке, было что-то торжественное и странное в ходе длинных линий барок, которые бесшумно ползли по воде без всяких признаков движения, кроме расходящейся волнуемой струи за кормой.

Из всех созданий коммерческих предприятий баржа канала – самое восхитительное. Иногда она распускает паруса, и вы видите, как она идет над верхушками деревьев и ветряными мельницами, между зелеными хлебными полями, точно самая живописная из всех амфибий. Иногда лошадь тащит бечеву таким шагом, точно на свете и не существует торопливости, и человек, дремлющий у руля, целый день видит один и тот же шпиль колокольни на горизонте. Становится удивительно, что при таких условиях барки могут когда-нибудь достигать очереди при входе в шлюзы, и человек получает прекрасный пример того, как можно спокойно относиться к миру. Вероятно, на палубах этих судов очень много довольных людей, потому что подобное существование – и путешествие, и жизнь дома.

Трубы дымятся, обеды готовятся, а баржа идет, и перед созерцательным взглядом зрителя медленно разворачиваются прибрежные сцены. Баржа плывет мимо больших лесов, через большие города с их общественными строениями, с их фонарями ночью. И хозяин баржи, путешествующий «у себя в постели», как бы слушает историю другого человека или перелистывает страницу иллюстрированной книги, не имеющей отношения к нему. Он может совершить дневную прогулку в чужой стороне, а к обеду вернуться к своему очагу.

Благодаря подобной жизни, человек не делает достаточно движения для здоровья, но меры для здоровья необходимы только для нездоровых людей. Лентяй, который никогда не бывает ни болен ни здоров, находит достаточно покоя на барже и умирает легче.

Я больше хотел бы быть хозяином баржи, нежели занимать положение, которое заставляло бы меня сидеть в конторе. Немногие призвания менее лишают человека свободы, давая ему хлеб насущный.

Барочник на палубе – господин своего судна: он может выйти на землю, когда ему вздумается, он никогда не бывает принужден стоять под ветром холодную ночь, делающую парус жестким, как железо, он располагает всем своим временем, насколько это ему позволяет распорядок дня, часы, назначенные для обеда или отхода ко сну. Право, трудно придумать, почему умирают барочники.

На полдороге между Виллебрукском и Филлефорде в прелестном месте канала, походившем на аллею, мы вышли на берег, чтобы позавтракать. На «Аретузе» было два яйца, ломоть хлеба и бутылки. На «Сигаретке» – пара яиц и кухня «Этна». Хозяин «Сигаретки» во время высадки разбил одно из яиц, но, заметив, что яйцо все же можно сварить à l'arapier, опустил его в «Этну», предварительно обернув листом фламандской газеты. Мы пристали во время затишья, но не пробыли на берегу и двух минут, как ветер превратился в настоящий вихрь, и дождь застучал по нашим плечам. Мы жались к «Этне». Спирт горел довольно бурно, кругом нашей кухни то и дело загоралась трава, и ее приходилось тушить.

Через самое короткое время у нас оказалось несколько обожженных пальцев! Увы, количество превосходно приготовленных кушаний не было пропорционально этим неудачам! После двукратного растапливания нашей кухни, крепкое яйцо оказалось еле подогретым, а разбитое представляло собой холодное, грязное fricassée из типографских чернил и осколков скорлупы. Мы попробовали спечь оставшиеся яйца, положив их в горевший спирт, и добились несколько лучших результатов. Затем мы откупорили бутылку вина и сели в канаву, покрыв колени носовыми покрывками байдарок. Шел сильный дождь. Неудобство, когда оно вызвано естественными условиями, – вещь веселая, а люди, хорошо промокшие под открытым небом, охотно смеются. С этой точки зрения, даже яйцо à la rarièr послужило добавлением к веселью. Однако развлечения такого рода, хотя они и могут быть приняты весело, не должны повторяться, и с этих пор кухня «Этна», как барыня, путешествовала в ящике «Сигаретки».

Незачем и говорить, что позавтракав мы опять сели в байдарки и распустили паруса, но ветер совершенно упал. Остальную дорогу до Филлефорде мы все же не убирали парусов и, благодаря изредка налетавшим порывам ветра и веслам, передвигались от шлюза к шлюзу между двумя ровными рядами деревьев.

Мы шли среди прекрасного зеленого ландшафта, вернее, по зеленой водяной дороге между деревьями. Берега имели жилой, обработанный вид издревле заселенных местностей.

Коротко остриженные дети плевали на нас с мостов, выказывая истинно консервативные чувства. Еще консервативнее были рыбаки. Не спуская глаз со своих поплавков, они не удаивали нас ни одним взглядом. Они стояли на сваях, быках и на откосах, всей душой предавались рыбной ловле, казались равнодушными, как неодушевленные предметы, и шевелились не больше фигур на старинных голландских картинках. Листья шелестели, вода трепетала, а они продолжали стоять так же неподвижно, как церкви, установленные законом. Если бы вы трепанировали любой из их кротких черепов, вы нашли бы под его покровами только свернутую лесу. Я не люблю нарядных молодых людей в гуттаперчевых чулках, которые борются с горными потоками, забрасывая удочки для лососей, но я горячо люблю людей, которые каждый день бесплодно прилагают все свое искусство к тому, чтобы поймать хоть что-нибудь в тихой и уже лишенной рыбы воде.

На последнем шлюзе за Филлефорде мы встретили сторожиху, говорившую довольно понятным французским языком, она нам сказала, что до Брюсселя остается еще около двух миль. Тут же пошел дождь. Он падал вертикальными струями, под которыми вода канала всплескивалась кристальными фонтанчиками. В окрестности нельзя было переночевать. Нам осталось только сложить паруса и усердно работать веслами под дождем.

Прекрасные помещицы дома с часами и закрытыми ставнями, чудные старые деревья, стоявшие группами и аллеями, темнели среди дождя и сумрака и придавали великолепный

вид берегам канала. Помнится, на какой-то гравюре я уже видел такой же красивый безлюдный пейзаж с проносящейся над ним бурей.

Глава III

Клуб «Royal Sport Nautique»

Дождь прекратился подле Лекена, но солнце уже зашло. Было холодно, и на нас обоих не осталось ни одной сухой нитки. Теперь, когда мы были уже в конце зеленой дороги и подошли к Брюсселю, перед нами выросло серьезное препятствие. Все берега были сплошь заняты судами, ожидавшими очереди войти в шлюзы. Нигде не виднелось ни порядочной пристани, ни одного сарая или хлева, в котором мы могли бы оставить на ночь наши байдарки. Наконец, мы вскарабкались на берег и вошли в маленькую кофейню, в которой сидело несколько оборванцев, пивших вместе с хозяином. Хозяин обошелся с нами довольно-таки нелюбезно, он не мог указать нам ни одного постоянного двора, ни одного трактира и, видя, что мы не намереваемся пить, не стал скрывать своего нетерпеливого желания отделаться от нас поскорее. Один из оборванцев выручил нас. Где-то тут на углу бассейна был спуск, а рядом с ним еще что-то, он неясно определил это «что-то», но воображение слушателей построило на его словах надежду.

Действительно, мы нашли сход, а сверху двух милых юношей в гребных костюмах. Аретуза обратился к ним за сведениями. Один из молодых людей сказал, что поместить наши байдарки нетрудно, другой же, вынув изо рта папироску, спросил, не построены ли они фирмой «Сирль и Сын»? Название фирмы заменило предательство. Из домика с надписью: «Royal Sport Nautique» вышло еще с полдюжины молодых людей, все они тоже вступили в разговор с нами. Молодые люди были вежливы, разговорчивы и полны энтузиазма. Их речи уснащались английскими гребными выражениями, именами английских судостроителей и названиями английских гребных и парусных клубов. К моему стыду, меня никогда не принимали так горячо на родной земле. Мы были английские спортсмены, и бельгийские спортсмены бросились к нам в объятия. Право, не знаю, встретили ли так сердечно английские протестанты французских гугенотов, когда те переправились через пролив. Впрочем, может ли какая-нибудь религия связать людей так тесно, как увлечение одним и тем же спортом?

Наши байдарки были отнесены в лодочный сарай, слуги клуба вымыли их, паруса вывесили сушиться, все приняло красивый, опрятный вид, как на картинке. В то же время наши обретенные братья провели нас в дом. Многие из них уверяли, что мы поистине близки им. Их умывальная комната была предоставлена в наше распоряжение. Один подавал нам мыло, другой губку, третий и четвертый помогали распаковывать наши дорожные резиновые мешки. В то же время нас осыпали различными расспросами, раздавались уверения в уважении и симпатии. Право, до тех пор я не знал, что значит слава!

– Да, да, «Royal Sport Nautique» самый старый клуб в Бельгии.

– Нас двести человек.

«Мы», «нас» – извлечение из многих речей, впечатление, оставшееся в моем уме после многих бесед. Чем-то молодым, привлекательным и патриотическим кажется мне это «мы».

– Мы взяли призы на всех гонках, за исключением тех случаев, когда нас побивал «Французский».

– Вам следует велеть просушить все ваши вещи.

– О, *entre frères!* В каждом клубе Англии мы встретили бы такой же прием. (Сердечно надеюсь, что они не ошибались).

– *En Angleterre vous employez des sliding-slats, n'est pas?*¹.

– Днем все мы занимаемся коммерческими делами по вечером, *vous voyez, nous sommes sérieux.*

---

¹ Не правда ли, вы употребляете в Англии подвижные банкетки.

В этом была истина. Днем все они занимались легкомысленным корыстным, делом бельгийской торговли, вечером же у них находилось несколько часов для серьезных вопросов. Может быть, я неправильно смотрю на мудрость, но замечание молодого спортсмена кажется мне очень глубокомысленным. Люди, имеющие отношение к литературе и философии, всю жизнь стараются низвергать обветшалые понятия и фальшивые знамена! В силу своей профессии они, путем упорного мышления, в поте лица силятся вернуть себе прежние свежие взгляды и положить границу между тем, что в действительности нравится им, и тем, что они поневоле научились терпеть. Спортсмены же клуба «Royal Nautique» хранили в сердцах понятие об этом. Они ясно сознавали, что привлекает и что отталкивает их, что для них интересней и что скучно, хотя старые завистливые люди и считают их взгляд иллюзиями. Тяжелая, как кошмар, иллюзия зрелых лет, медвежье объятие обычая, постепенно вытесняющее жизненность из души человека, еще не наступили для этих счастливых молодых бельгийцев. Они еще верили, что выгоды коммерческих занятий ничтожны в сравнении с их непосредственной упорной страстью к гребному и парусному спорту. Если вы знаете, что вам нравится, а не просто отвечаете «аминь» на то, что свет предлагает вам, – вы сохранили живую душу. Человек же, сохранивший свежесть сердца, может быть великодушен и честен более, чем в коммерческом смысле этого слова, он может, по своему личному выбору, любить своих друзей в силу симпатии, а не дружить с ними, только считая их как бы принадлежностью своего положения. Словом, он имеет возможность следовать своим инстинктам и оставаться в той форме, которую Бог создал для него. Он ни за что не делается бессознательным рычагом социальной машины, основанной непонятных для него принципах и служащей для целей не привлекательных по его мнению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.